

Глава 25. Второй мертвец

За тысячи поприщ от поля боя, в Деревне Скрытого Звука, что затерялась в Стране Рисовых Полей.

— На этот раз ради операции в Стране Воды Коноха пошла на поистине безумные жертвы, — в подземной лаборатории Орочимару вольготно восседал в своём кресле, лениво цедя слова. — Мало того что вернули Цунаде, так ещё и Кусину отправили на передовую. И всё это — лишь ради интересов соседней деревни... Какая глупость. Если Акацуки завладеют Девятихвостым, какая разница, уберегут они Шестихвостого или нет? Подобная безрассудность... Признаться, глупость Минато превзошла все мои ожидания.

Он вскинул взгляд на фигуру, замершую во мраке перед ним.

— Разве ты думаешь иначе?

— Учитель Минато никогда не принимает решений без веской причины и продуманного замысла, — раздался из темноты ледяной, безучастный голос.

Незнакомец стоял в глубокой тени, куда не проникал тусклый свет светильников. Лишь обтянутые чёрной кожей голенища высоких сапог выдавали его присутствие.

— Именно потому, что тебе не дано этого понять, в кресле Хокаге восседает он, а не ты.

Откровенная насмешка, прозвучавшая в этих словах, не укрылась от ушей Змеиного Отшельника. Орочимару опасным образом прищурился, проявив мгновенную досаду, но тут же смягчился, и на его бледном лице змеилась кривая ухмылка.

— Возможно, — протянул он. — И именно поэтому он следом отправил подкрепление? Дзирайя, Итачи, та девчонка-медик из вашей команды... и твой поддельный двойник?

Стоявший в тени промолчал. Ткань его перчаток со скрипом натянулась, когда пальцы сжались в кулаки.

Заметив чужое замешательство, Орочимару улыбнулся ещё шире и ядовитее:

— Признаться, я не думал, что твой призыв пройдёт настолько гладко. Получив известие о твоей гибели, я всё ждал — да и до сих пор жду, — что Обито снова заявится ко мне. Потребуется воскресить тебя Запретной техникой Нечестивого воскрешения и предложит взамен того двойника из иного мира. Мне, знаешь ли, весьма любопытна его реальность. Явись он с такой

сделкой, я бы, пожалуй, согласился.

— Однако он не пришёл. И не только он. Твой отец, твой учитель, Дзирая, выпестовавший тебя... Все они знали о нашей сделке. Им прекрасно известно, что у меня мог остаться образец твоей крови. И что же? Они хранят полное молчание. Ни единого жеста, ни единого поискового отряда. Похоже, та фальшивка прижилась в Конохе со всеми удобствами... Раз уж ему доверили даже такую миссию, значит, он окончательно занял твоё место. Стирает тень твоей личности из их сердец. Что скажешь теперь? Всё ещё будешь твердить про «замыслы и причины»?

— Да, — после долгой паузы глухо отозвался воскрешённый. — Если в борьбе против Акацуки и Тоби от него больше пользы, чем от меня.

— Больше пользы? — Орочимару с живостью подался вперёд. — Ты про его Мангекё Шаринган? Или про нечто иное? Скажем... сведения о Тоби? Или даже его подлинную личину?

— Гадай сколько душе угодно, — ровным тоном ответил мертвец. Горечь, на мгновение прокравшаяся в его голос, испарилась без следа. — Я предупреждал: если ты поднял меня из Чистой Земли лишь ради сведений, тебя ждёт глубокое разочарование.

— Ха-ха-ха... — хрипло расхохотался Саннин. — Надеяться, что сын Сакумо предаст Коноху... Я ещё не настолько наивен.

Отсмеявшись, он расслабленно откинулся на спинку кресла и сделал манящий жест пальцем:

— Подойди.

Власть Запретной техники Нечестивого воскрешения была непрекаема. Наперекор собственной воле воскрешённый сделал шаг вперёд и выступил из мрака. Под тусклым светом лампы обрисовалась его фигура: всё та же форма спецназа, в которой он встретил смерть. Лишь тонкие трещины, пролегавшие по бледной коже и уходившие под маску к темным, налитым загробной тьмой глазам, выдавали в нём выходца с того света.

— Я призвал тебя вовсе не ради расспросов, — тихо заговорил Орочимару. — Влезать в грызню между Листом и Акацуки — значит подставлять под удар самого себя. Умный человек выжидает, пока враги истощат друг друга. Обито обещал отдать мне свои глаза, когда всё закончится, но положить жизнь на кону, доверившись совести ниндзя Конохи... Полноте. Я сохранил образец твоей крови с самого начала. Если он нарушит уговор и откажется отдавать Мангекё Шаринган, ты станешь моим веским аргументом. Даже если бы тот двойник не появился, и они отправили бы тебя обратно в Чистую Землю, я бы без труда призвал тебя снова.

Он сощурился, изгибая губы в зловещей ухмылке:

— Ты — мой козырный туз на чёрный день, Какаси-кун.

Обито беспомощно наблюдал, как силуэт Тоби затягивает спиральный вихрь Камуи. И пусть взор застлала пелена, он физически ощущал на себе пристальный, жгучий взгляд врага.

В этом взгляде застыл беззвучный, исполненный горечи вопрос:

«Неужели ты готов заплатить жизнью Сакумо, лишь бы уничтожить меня?»

В ту роковую секунду судьбы Тоби и Сакумо оказались на чашах весов, и решение зависело лишь от него. Скоротечность мгновения не оставила времени на раздумья, вынудив Обито сделать поспешный выбор.

Но был ли этот выбор верным? Сакумо обнажил Меч Фуцу-но-Митама, прекрасно сознавая, что платой за его силу станет жизнь. Он пришёл сюда с единственной целью — увлечь Тоби за собой в преисподнюю, отплатить за гибель сына. Решение Обито перечеркнуло эту самоотверженность. Белый Клык, сокрушивший врагов громом семи барабанов, сохранил жизнь, но теперь навек лишён возможности снова вступить в бой и лично отомстить за ребенка.

Что ещё хуже — Обито упустил Тоби, главного врага всего мира. Ради своей безумной цели этот человек без колебаний устранял любые препятствия на пути. Какаси был лишь первым в длинном списке, и явно не последним.

Если Тоби вернётся, если наберёт силу и погрузит весь мир ниндзя в кровавый хаос, вся вина за грядущую катастрофу ляжет на него. На Утиху Обито...

Сухой треск электрических разрядов заставил Обито очнуться. Он растерянно вскинул голову. Исполинский астральный самурай всё ещё возвышался над полем боя, но его опущенный клинок уже не излучал смертоносного света, а грозовые тучи рассеивались. Барабаны за его спиной угасали один за другим — из семи светилось лишь четыре.

— Чтобы повторно запечатать Меч Фуцу-но-Митама, потребуется время, — со вздохом произнесла Цунаде. В её голосе сплелись досада и явное облегчение. — Благо Сакумо сориентировался мгновенно: стоило Тоби скрыться, как он прервал технику. Промедли он ещё секунду — и спасать было бы некого.

Обито опустил голову.

— Я... всё правильно сделал? — глухо спросил он.

— Честно говоря, сама не знаю, — ответила Цунаде. Её голос потеплел. — Но в одном я уверена твёрдо: какой бы выбор ты ни сделал, терзания всё равно нагнали бы тебя. Ты бы бесконечно гадал, не сложишься всё лучше, пойдёшь ты иным путём.

Она обернулась и посмотрела на поражённого юношу. В её взгляде читались сострадание и поддержка старшего товарища.

— Перестань мучить себя тем, что уже произошло. Я убеждена: Сакумо поймёт твой поступок. И Минато поймёт... Все поймут. Ты совершил невозможное. Кусина жива, Девятихвостый остался при ней, и всё это — исключительно твоя заслуга.

— Спасибо вам... госпожа Цунаде.

— А раз так — вытри слезы и соберись! Дел у нас ещё неуворот, — Цунаде вновь устремила взгляд вперёд, властно уперев руки в бока. — К тому же мы уходим не с пустыми руками. Иноити успел вытащить часть воспоминаний Тоби. Если тот с таким фанатизмом скрывает свою личность, значит, в этом секрете кроется его уязвимое место.

— А господин Иноити... Он в порядке?

Притворная бодрость мгновенно испарилась из голоса Цунаде.

— Жить будет. Но когда придёт в себя — неизвестно. Возможно... — Она осеклась и твёрдо добавила: — Нет. Я поставлю его на ноги. Чего бы мне это ни стоило.

Пока они разговаривали, барабаны за спиной самурая окончательно угасли. Шестнадцать молниеносных клинков растворились в воздухе прозрачными призраками, а исполинская фигура, источая мягкое белое свечение, стала медленно уменьшаться.

— Я займусь срочной реанимацией Сакумо, а ты не спускай глаз с Кусины, — с нарастающей строгостью распорядилась Цунаде. — Смотри в оба!

Обито проводил её взглядом. Едва теплившийся огонёк надежды в его душе снова угас. Точно... Иноити проник в память Тоби. Если он увидел то же, что и Обито, ему не составит труда разгадать, кто скрывается под маской. Сможет ли Цунаде и дальше так же тепло утешать его? Смогут ли остальные смотреть на него по-прежнему?

И что ещё страшнее — если Иноити не очнётся в ближайшее время, Обито, как ниндзя Листа, обязан будет сам сделать донесение. Сам сорвать покровы с тайны Тоби, выставив перед всеми правду о том, как его альтер-эго из другого мира пал во тьму и натворил немыслимых зверств. Ничего более унижительного и кошмарного нельзя было и вообразить.

Шорох раздвигаемых кустов заставил его мигом насторожиться. Обито резко обернулся и

встретился взглядом с Итачи, вынырнувшим из чащи. Юный Утиха стремительно оценил обстановку, кивнул Обито и крикнул назад в лесную глушь:

— Учитель Дзирайя! Они здесь! Сражение окончено!

Спустя мгновение на поляне появились ещё четверо. Они шли парами: Рин поддерживала Теруми Мей, а Дзирайя тяжело держал руку на плече Рокэя — маска и плащ последнего где-то затерялись. Обито подметил суровое выражение лица Саннина: Дзирайя не просто опирался на спутника, а словно конвоировал его.

Впрочем, этот визуальный конвой мгновенно рассыпался.

— Сакумо!! — гаркнул Дзирайя, заведя вдалеке Цунаде и распростёртого на земле Белого Клыка.

Забыв обо всём, Саннин кинулся к ним. Рокэй остался стоять на месте. Порывистый шаг, который он невольно сделал вслед за Дзирайей, замер на полуслове. Он не спускал глаз с отца, но мысли, видимо, тяготили его слишком сильно, и он так и не решился подойти.

— Обито! — Рин каким-то образом уже оказалась подле него.

Увидев его израненное, залитое кровью тело, шатенка ахнула, но моментально взяла себя в руки и принялась торопливо шарить в сумке со снаряжением.

— Госпожа Цунаде остановила кровотечение? Не дёргайся, я перевяжу тебе раны.

Когда она наклонилась, Обито заметил запутавшуюся в её волосах сухую веточку. Рин выглядела измождённой до предела; профессиональная выдержка ирьёнина заставляла её держать лицо, но залёгшие под глазами тени выдавали дикую усталость. Выступить на полтора дня позже и прибыть почти одновременно с ними — оставалось только гадать, какой изнурительный марш-бросок совершил отряд подкрепления.

— Рин... — Обито вглядывался в её лицо, отчаянно пытаясь вытравить из памяти кошмарное видение, переданное через связь Шаринганов. — Ты... как сама?

Не прерывая перевязки, Рин недоумённо вскинула на него глаза:

— Вообще-то этот вопрос я должна задавать, разве нет?

— Да-а?.. Ха-ха, точно... — Обито выдавил неловкий смешок. Проследив, как ловко девушка забинтовала его израненные ноги, он перехватил её ладонь, когда она вознамерилась заняться его руками: — Подожди. Руки потеряют. Помоги мне подняться, я хочу подойти к господину

Сакумо.

Рин закусила губу.

— Вечно ты упрямишься! — с досадой и нежностью проворчала она, но всё же убрала бинты и бережно подставила ему плечо.

Опираясь на неё, Обито с трудом встал и, волоча искалеченную ногу, сделал первый неуверенный шаг.

— Ой!..

Затуманенный взор подвёл его: Обито не заметил выступающий из земли камень и с маху рухнул, увлекая Рин за собой. Пробитые чёрными штырями ладони не позволяли опереться о землю. Он беспомощно барахтался в грязи, пытаясь подняться, когда чьи-то сильные руки подхватили его под мышки.

— Не спеши. Осторожнее, раны разойдутся, — раздался над ухом голос Рокэя.

— Госпожа Мидзукаге уже призвала ирьёнинов, они скоро придут с носилками, — произнёс Рокэй, помогая Обито удерживать равновесие.

Затем он протянул руку сидевшей на земле Рин:

— Рин?

Призрачное видение, успевшее поблекнуть, вновь с ужасающей отчётливостью встало перед глазами Обито. Он заворожённо уставился на то, как воскрешённый протягивает руку — правую руку! — к плечу Рин. Казалось, опустись эта ладонь на пару дюймов ниже, и она с лёгкостью пробьёт девушке грудную клетку...

Хлоп!

Обито со всей силы ударил по чужой кисти до того, как пальцы коснулись Рин.

Звонкий хлопок разнёсся над поляной. Все трое — и сам Обито, совершивший вспышку, и ошеломлённый Рокэй, и Рин, так и замершая на корточках, — застыли в оцепенении.

Воздух между ними словно остекленел. Рокэй пришёл в себя первым. Зависшая в воздухе рука медленно опустилась вниз, а пальцы, всё ещё удерживавшие Обито за плечо, бесшумно разжались. Он отступил на пару шагов. Вглядываясь в лицо Обито, он изо всех сил пытался

сохранить бесстрашие, но в его глазах вспыхнула и тут же погасла горькая догадка.

— Понятно, — едва слышно проронил он. — Значит, ты тоже...

Обито захлестнула волна удушающей паники и глухого раздражения. Рин тем временем поднялась на ноги сама, и он, точно хватаясь за спасительную соломинку, судорожно вцепился в её ладонь. Он нарочно отвернулся, избегая встречать взгляд Рокэя.

— Итачи! — окликнул он младшего сородича, который, зачуяв неладное, уже спешил к ним от опушки. — Пойдём проверим, как там господин Сакумо. Постой пока у Кусины.

Следом он качнулся к Рин и сдавленно бросил:

— Идём.

И, преодолевая ломоту в израненных ногах, побрёл прочь — ковыляя так быстро, словно спасался бегством.

На этот раз, когда Обито снова оступился и чуть не загремел в грязь, Рокэй не сделал и шага навстречу. Подойдя к краю поляны, Обито не удержался и украдкой оглянулся: воскрешённый так и остался стоять в одиночестве, неподвижный, как изваяние.

Спустя полчаса на Остров Воды наконец прибыл отряд поддержки — ирьёнины и спецназ Тумана. Мей оставила группу зачистки разбирать завалы, а сама вместе с уцелевшими бойцами и гостями направилась к Острову Обезьяны, где располагался ближайший сторожевой пост Киригакуре.

Выступившие на бой бойцы спецназа Тумана полегли в полном составе. Ао, прикрывший собой Чоджуро, получил смертельные увечья и скончался прямо на руках у Цунаде, не дождавшись прибытия подкрепления. Благодаря его жертве Чоджуро отделался лишь лёгким сотрясением мозга; очнувшись, юноша незамедлительно отбыл в Киригакуре, чтобы передать старейшинам и жителям указы Мей. Сама же Мидзукаге осталась на форпосте, исполняя долг гостеприимной хозяйки.

Форпост был тесным, и разместить всех с комфортом оказалось той ещё задачей. Из троих тяжёлых раненых Сакумо и Иноити всё ещё балансировали между жизнью и смертью. Цунаде уложила их в самом просторном помещении, чтобы держать под непрерывным контролем. Дзирая и вся бригада медиков Тумана ассистировали ей. Кусина, впадшая в беспамятство из-за всплеска чакры Девятихвостого и ослабшей печати, очнуться должна была с минуты на минуту, но из-за особого статуса ей выделили отдельную комнатку под личной охраной Мей.

Остальных — Обито, Рин, Рокэя и Итачи — спрессовали в последней свободной камерке. Рин обрабатывала порезы и ушибы Обито, а Итачи, судя по всему, незаметно выполнял роль надзирателя: перед уходом Дзираяя отвёл юного Утиху в сторону и что-то строго нашептал ему на ухо.

Тишина, воцарившаяся в комнате, была тяжёлой, свинцовой. Обито рухнул на единственную койку и с головой укутался в одеяло, тщетно надеясь провалиться в сон. Стоило шуму утихнуть, как разум, вопреки его воле, принялся прокручивать события прошлых часов. Натренированная проницательность Шарингана восстанавливала каждую деталь в мельчайших, леденящих душу подробностях.

Он лежал ничком, а мысли кружились безумным веретеном: грандиозная схватка грозового исполина и Демонической статуи, обрывки чужих чудовищных воспоминаний, неясное будущее по возвращении в Коноху... Наконец, когда крайняя усталость взяла верх и начала затягивать его в спасительное небытие, дверь в комнату резко распахнулась.

Обито мгновенно подскочил на кровати, от сна не осталось и следа. На пороге стоял Дзираяя. Обито никогда ещё не видел у легендарного Саннина столь жуткого, налитого свинцом выражения лица. Сердце юноши ухнуло в пятки; он замер, с ужасом ожидая, какая весть сорвётся с этих стиснутых губ.

— Рин, если с Обито закончила, ступай к Кусине, — наконец произнёс Дзираяя. Его голос, глухой и сдавленный, вибрировал от сдерживаемой бури. — Мидзукаге, при всём уважении, глава чужой деревни, сидеть у постели нашего раненого ей не с руки. Переночуешь сегодня там.

Любому было ясно: это лишь предлог, чтобы выставить её за дверь. Рин растерянно бросила взгляд на Обито.

— Хорошо, — тихо ответила она. Скользнув тревожным взглядом по присутствующим, она выскальзнула в коридор.

Дзираяя дождался, пока шаги девушки затихнут в глубине коридора, и лишь тогда проговорил:

— Только что Иноити ненадолго пришёл в себя.

У Обито всё внутри оборвалось. Пальцы под одеялом судорожно впились в ткань.

— Он снова впал в беспамятство, но перед этим успел вымолвить одну-единственную фразу.

Саннин сделал паузу. Его взгляд, скользнув по Обито и Итачи, с тяжёлой, испепеляющей яростью зафиксировался на Рокэе.

— Он сказал, что в воспоминаниях Тоби видел, как ты собственными руками убил Рин из того мира. А теперь отвечай мне без утайки, Хатаке Какаси: кто такой Тоби на самом деле и что, чёрт возьми, вас связывает?!

<http://bllate.org/book/19560/1933750>